

Глава 1

ЭНДЖИ

Округ Дор, Висконсин, 1960 год

Утро выдалось ясным и бодрящим — идеальное начало обычного сентябрьского дня, не предвещающее ничего дурного. Когда Пи Джей проснулся, я нарядила его в свитер, вязаные рейтузы и шапочку, доставшиеся мне от детей старшей сестры Дорис, и, взяв малыша на руки, вышла из дома. Всю ночь шел дождь, и я полной грудью вдохнула душный аромат переполненного водой озера и не слишком густого леса — такой знакомый и родной, будто запах моей собственной кожи.

Под моими ногами захрустел песок. Как и остальные обитатели Норт-Бея, мы с Полом соорудили дорожку из песка поверх покрытия из гравия и гудрона, чтобы не пачкать подошвы ботинок. Я направилась к шаткой деревянной лестнице, спускающейся к озеру. Нужно было действовать осторожно, ведь после дождя ступеньки становились такими скользкими. Спустившись, я прошлепала к воде по высокой мокрой траве и одной рукой перевернула легкую брезентовую лодку, которую соорудил несколько десятилетий назад мой дед. В прошлый уикенд Пол смастерил для Пи Джея небольшое деревянное кресло и накрепко прибил

к центральному сиденью лодки, и мне не терпелось его опробовать.

Тихонько напевая, я усадила Пи Джея в кресло, пристегнула кожаными ремнями и подумала о прошедшей ночи. Вспомнилось, как барабанил дождь по жестяной крыше дома, как шумело у меня в ушах, когда мы с Полом раскачивались на постели посреди смятых простыней в сплетении рук и ног. Я выкрикнула имя мужа, и этот звук заглушил стук дождевых капель по оконному стеклу. После этого мы просто лежали рядом, прислушиваясь к редким раскатам грома. Гроза уходила дальше — за озеро Мичиган. Благодарность — за мужа, за жизнь, за будущее — окутывала мое сердце так же крепко и надежно, как теплые объятия Пола.

И вот теперь, спустя двенадцать часов, при воспоминании об этом у меня перехватило дыхание. Взмахнув веслом, я начала грести. Сегодня озеро принадлежало только нам с Пи Джейем, если не считать плававших возле берега уток да парочки чаек, паривших над нашими головами. С наступлением осени мошки и москиты пропали. Лишь время от времени над поверхностью воды с треском пролетала стрекоза, чьи крылья переливались в лучах солнца голубыми и лиловыми бликами.

Я подняла весло, позволив лодке скользить самостоятельно. Под ее мерное покачивание Пи Джей весело пускал пузыри, поглядывая на пролетающих птиц.

Я посмотрела на небо, прикрыв глаза ладонью от ослепительного солнечного света, и в этот момент справа от меня послышался громкий плеск. Я развернулась — как раз вовремя, чтобы заметить блеснувшую над зеркальной гладью озера спину форели. Рыба скрылась на глубине, оставив после себя лишь разбегающиеся по воде круги.

Резко развернувшись, я потеряла равновесие, и лодка накренилась. Пи Джей громко закричал, и я увидела, как головка свесившегося через борт малыша коснулась водной глади. Следом за головой последовали плечи и верхняя часть туловища. Очевидно, Пол прибил ремни не слишком надежно, и теперь они оторвались от креплений.

Метнувшись вперед, я схватила сына за ноги, пока он полностью не ушел под воду. Лодка снова наклонилась, но я поспешно села на скамью, чтобы сохранить равновесие.

Малыш заревел от испуга и неожиданности, и стекавшая с его головы вода перемешивалась со струившимися по щекам слезами. Я прижала ребенка к груди, погладила по мокрым волосикам и пробормотала:

— Все в порядке, малыш. Ты в безопасности.

Я поцеловала Пи Джея в лоб, крепко обняла и, быстро перекрестившись, мысленно вознесла молитву: «Спасибо тебе, святая Матерь Божья! Спасибо, что присматриваешь за нами».

Деревянное весло плавало рядом, и я смотрела на него, пытаюсь унять дрожь. Крепко держа ребенка под мышкой, я принялась грести одной рукой, пока не поравнялась с веслом. Выловив его из воды, я еще крепче прижала к себе малыша и направилась к берегу, по-прежнему орудуя одной рукой. Со стороны это наверняка выглядело довольно неуклюже, но зато лодка уверенно продвигалась вперед.

Не успела я переступить порог дома, как зазвонил телефон. Два коротких пронзительных звука свидетельствовали о том, что звонок, поступивший на общую телефонную линию, предназначался нам. Все еще не уняв дрожь от недавно пережитого испуга, я ски-

нула галоши, ринулась в ванную комнату, закутала сына в полотенце и, положив его на диван, побежала к телефону.

Прежде чем поднять трубку, я убавила громкость радио, которое забыла выключить перед уходом из дома: все утро там обсуждали итоги состоявшихся накануне президентских дебатов. Участники радиообсуждения отдавали свои симпатии президенту Никсону. У тех же, кто смотрел трансляцию по телевидению, сложилось впечатление, что безоговорочную победу одержал сенатор Кеннеди. Едва услышав это, я торжествующе подняла кулак. Ведь менее чем через два месяца мне предстояло впервые принять участие в президентских выборах. Так что мой голос был на стороне сенатора из Массачусетса.

— Тетя Энджи?

Женский голос на другом конце провода был мне незнаком. Голоса братьев и сестер я, самая младшая из шестерых детей, хорошо знала, из дюжины моих племянников и племянниц мало кто мог самостоятельно позвонить по телефону. И ни у кого из них точно не было такого голоса. Мою собеседницу нельзя было назвать взрослой женщиной, но и из детского возраста она тоже уже вышла.

Я знала лишь одного обладателя подобного голоса, кто мог называть меня тетей.

— Руби, это ты? Что случилось?

Ответа не последовало. Я взглянула на Пи Джея: малыш что-то бормотал и с воодушевлением вытаскивал нитки из диванной подушки. Учítывая, что ему пришлось пережить на озере, он вел себя на удивление спокойно. Какое счастье, что у меня такой милый и покладистый ребенок в отличие от детей моих сестер, которые постоянно жаловались на колики и капризни-

чали. «У нас родился настоящий победитель, — говорил Пол всякий раз, когда я обращала его внимание на это обстоятельство. — Наш сын — победитель, Энджел».

А я лишь улыбалась в ответ на эти слова и ласковое имя, которым он называл меня с самой первой нашей встречи: Энджел — ангел.

На другом конце провода раздался какой-то с трудом различимый звук, который не был похож на попытку заговорить или откашляться. Я надеялась, что это все-таки Руби, хотя и терзалась сомнениями: вдруг старая миссис Бейтс из соседнего дома решила воспользоваться общей телефонной линией, чтобы подслушать чужие разговоры?

— Руби? — повторила я. — Это ты? Все в порядке?

— Нет, — послышался привычный, лишенный эмоций и холодный, точно вода в заливе, голос девочки. — Нет, тетя Энджи, я не в порядке.

Последовала долгая пауза, а потом Руби произнесла:

— Тетя Энджи, мой папа мертв, а мама сбежала.

Глава 2

РУБИ

Стоункилл, Нью-Йорк, 1960 год

— Мама оставила записку, в которой сообщила нам с папой, что уезжает, — пояснила Руби и едва слышно добавила: — Она написала, что ей очень жаль, но жизнь слишком коротка, чтобы ждать.

— Это ужасно, Руби, — выдохнула Энджи. — Просто ужасно.

Девочка промолчала.

— А твой отец?..

Наматывая телефонный провод на палец, Руби сказала, что тело отца было найдено в лесу, всего в нескольких футах от дома.

— Он сидел возле дуба, а рядом валялась пустая чашка. Ее проверили на наличие яда. В полиции сказали, что все указывает на самоубийство.

Голос Руби звучал обыденно и безразлично.

— О господи! — воскликнула Энджи. — Мне так жаль. — Она на мгновение замолчала, а потом поспешно спросила: — Где ты сейчас, дорогая?

Руби не отвечала, пытаясь осмыслить произнесенное тетей слово — «дорогая».

Никто так не называет Руби. Больше никто.

— Я дома, — наконец произнесла она. — Не могли бы вы попросить дядю Пола позвонить мне, как только у него появится возможность?

Повесив трубку, Руби вышла во внутренний двор, спустилась по ступеням и направилась в лес. Вокруг стояла тишина, которую нарушали лишь свист птиц, жужжание насекомых да шорох ветвей, когда по ним прыгали белки. Проходя мимо могучего дуба, она легко хлопнула рукой по стволу и двинулась дальше. Подошвы ее поношенных серо-белых теннисных туфель утопали в мягкой земле и влажной листве.

Руби пошла по узкой, едва различимой тропинке и вскоре оказалась на небольшой поляне, в центре которой стоял огромный валун. Камень был скользким от росы, мелкие вкрапления кварца поблескивали в лучах пробивавшегося сквозь кроны деревьев солнца. Руби взгромоздилась на валун, положила ногу на ногу и осторожно поддела ногтем резиновый ярлык на подошве левой туфли. Когда-то на нем было написано слово «KEDS», но девочка ковыряла его так часто, что теперь от названия остались лишь две первые буквы.

Руби положила руку на камень, предвкушая ощущение исходившей от него ледяной прохлады, но быстро отдернула, потому что вместо шероховатой поверхности коснулась чего-то живого и гладкого. Руби опустила глаза. В шести дюймах от нее свернулась клубком толстая змея. Она зашипела, и девочка вскочила с камня и отошла на несколько шагов, не сводя взгляда со змеи. Ее злые глаза-бусинки блестели, а изо рта угрожающе высовывался раздвоенный язык. Вдоль зеленого, точно кроны деревьев, тела проходили тонкие желтые полосы.

Чтобы доказать отсутствие страха, Руби протянула к ней руку. Змея вытянулась, а потом снова свернулась в клубок. Тогда Руби пошевелила пальцами, и этого оказалось достаточно. Змея подняла голову и со злобным шипением бросилась на протянутую руку.

Руби могла бы закричать, но не стала: все равно никто не услышит.

Глава 3

ЭНДЖИ

Усадив Пи Джея в кроватку с высокими бортами, я натянула галоши, выбежала на улицу и, шлепая по грязному двору, обдумывала услышанное. Самоубийство... Какой ужасный поступок! Я не знала, как найти нужные слова и рассказать Полу о смерти его брата. Он будет раздавлен.

А Руби! Представить только, в каком положении оказалась девочка. Мать ее бросила. Отец тоже. Очевидно, поступок жены разбил ему сердце, и он предпочел лишить себя жизни, нежели взглянуть в лицо реальности. Как родители могли так поступить с собственным ребенком?

Я вспомнила, как Руби примолкла, услышав обращение «дорогая». Оно сорвалось с языка по привычке: так я всегда проявляла нежность к племянникам и племянницам, — но Руби семнадцать лет, а мне — двадцать один. Вряд ли она мне поверила. Не стоило этого делать.

У кромки леса я свернула на широкую, утопающую в грязи дорожку, ведущую к студии Пола. Сквозь тонкие ветки кедров и берез проглядывали солнечные лучи и согревали мои плечи. После того как в конце девятнадцатого века были вырублены почти все деревья, леса здесь, в округе Дор, редкие. Я испытывала странное ощущение — лес словно выставял меня напоказ и в то же время обступал со всех сторон.

Этот участок земли в два акра некогда принадлежал моим бабушке и дедушке. Год назад мы с Полом поженились и поселились в их небольшом коттедже. В десяти ярдах от него, в бывшем сарае, располагалась крохотная студия Пола.

— Пол! — крикнула я, распахивая дверь.

Муж оторвался от натянутого на мольберт холста. Стоявший рядом стол был завален коробками с акварельными красками, кистями всевозможных размеров, стаканами с водой и перепачканными тряпками. На подлокотниках от старых кресел, прикрепленных к стене, располагались картины на разных этапах создания. На них были изображены виды Норт-Бея, озера Мичиган и заката над Грин-Беем по другую сторону полуострова.

— Что такое, Энджел? — Пол посмотрел на меня.

— Даже не знаю, как тебе сказать.. — Я переступила порог студии. — Речь о Генри. И Силье.

— А что с ними такое?

Я судорожно сглотнула.

— Руби звонила. Она сказала... О, Пол! — Я крепко обняла мужа. — Генри... умер.

Высвободившись из моих объятий, Пол тяжело опустился на стул.

— Не понимаю.

— Я тоже. Но Руби сказала... Она сказала, что Генри нашли в лесу неподалеку от дома. Полиция считает, что это... самоубийство. — Я почувствовала, как слезы обожгли мне глаза. — А Силья пропала. По словам Руби, она их бросила.

Рассказав мужу об оставленной Сильей записке, я замолчала, давая ему возможность перевернуть услышанное.

Пол не произнес ни слова.

— Ты уверена? Ты уверена, что Руби сказала именно это? — наконец спросил он.

Я кивнула. Пол посмотрел в окно, а затем снова повернулся ко мне.

— Расскажи все. Слово в слово повтори, что сказала тебе Руби.

Генри жил в штате Нью-Йорк с женой Сильей и дочерью Руби. Я встречалась с ними лишь один раз, прошлой осенью, когда они приезжали на нашу с Полом свадьбу.

Вечером накануне торжества я пожелала Полу спокойной ночи и отправилась в свою комнату, чтобы провести последнюю ночь в девичьей постели. На следующий день я не видела Пола до тех пор, пока не вошла в церковь Святой Марии и не остановилась рядом с ним у алтаря. Там уже стоял его брат.

Пока святой отец произносил речь, я искоса поглядывала на Генри, поражаясь его сходству с Полом. Мы с моими братьями и сестрами тоже очень похожи друг

на друга: у всех тускло-каштановые волосы, веснушчатые носы и круглые голубые глаза под изогнутыми дугой бровями, — однако Генри и Пол — высокие, худощавые, с узкими лицами, копнами темных волос и блестящими карими глазами — со стороны выглядели близнецами.

Собственно говоря, почти так и было. На первом свидании Пол поведал мне, что разница в возрасте между ними всего год и что с самого детства они были неразлучны.

— У нас почти не было друзей, — рассказывал Пол. — Да мы в них и не нуждались, вполне довольствуясь обществом друг друга.

Братья родились в Калифорнии. Их родители работали смотрителями виноградников, и мальчики выросли среди зеленых лоз. Они помогали матери и отцу ухаживать за прихотливыми растениями, собирать урожай и перерабатывать его в вино.

— Вы, так же как римляне, давили виноград ногами в огромных деревянных кадках? — спросила я Пола, подавшись вперед так, чтобы ему стала видна моя грудь, выглядывавшая из декольте любимого платья в горошек.

— Каждую осень, — с улыбкой заверил Пол, и мое сердце затрепетало.

Да и у кого хватило бы смелости меня осуждать? Ведь своей широкой улыбкой и блестящими глазами Пол напоминал мне Кэри Гранта. Я была бессильна перед чарами Пола Гласса — привлекательного художника средних лет, появившегося в округе Дор словно бы из ниоткуда.

Как и всегда летом, я работала горничной в отеле «Гордон Лодж». Работа эта была довольно изнурительной, ведь гостевые домики приходилось убирать в ней-

лоновом форменном платье и чулках, снять которые было нельзя даже в самые жаркие дни. Этому требовало руководство. Однажды в полдень, закончив смену, я вошла в главное здание, чтобы выпить воды. Незнакомый мне бармен, весело насвистывая, мыл стаканы. Две верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, так что я разглядела медальон святого Христофора, поблескивавший на покрытой темными волосами груди. Устраиваясь за стойкой, я испытала почти непреодолимое желание протянуть руку и коснуться этого самого медальона. Бармен улыбнулся, сверкнув карими глазами, и поставил передо мной стакан ледяной воды прежде, чем я попросила его об этом.

В тот же вечер состоялось наше первое свидание. Я сбегала домой, приняла душ, переделалась и вернулась в бар, где сидела у стойки и ждала, пока Пол закончит смену.

Он рассказывал, что они с Генри воевали. Впрочем, как и большинство молодых людей того времени. Пол — на Тихом океане, а Генри — в Европе. Перед отправкой на фронт подразделение Генри ненадолго остановилось в Нью-Йорке, где он и встретил Силью.

— Что за необычное имя — Силья? — спросила я. — Итальянское? Вроде святой Сесилии?

— Нет, это финское имя, — пояснил Пол. — Силья выросла в социалистической общине в Бруклине. Один за всех, и все за одного. Глупость какая! — Пол усмехнулся. — Но теперь ее образ жизни изменился.

— И как же она живет теперь?

— Богато, — ответил Пол, поморщившись. — Силья живет богато.

Первое свидание закончилось в постели. С тех пор мы начали проводить ночи вместе. Днем мы тоже встречались — в комнате Пола, которую он снимал в городе.